ТОГО ЖЕ АВТОРА

Земной плен Нью-Йорк 1944
Дальний путь Нью-Йорк 1946
Лазурное око Париж 1950

ИРИНА ЯССЕН

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВ

РИФМА
ПАРИЖ
1956

О память сердца! Ты сильней
рассудка памяти печальной.

К. Батюшков

Нет постоянства в природе,
нет постоянства во мне.
В вечность уносятся годы
пеной на быстрой волне.

Вот налетает шальная,
с шумом отхлынет назад.
Годы — как сила слепая,
годы — как волны летят.

В чем же искать мне покоя?
Как мне коснуться едва
лиры дрожащей рукою,
чтобы над пеной морскою
вдруг засияли слова?

Все, все унесено волной,
стою свободная у грани,
за верность в скудости земной
обложена тяжелой данью.

Бегут безрадостные дни,
и жизнь колеблется тревожно.
Погасли прежние огни,
о прошлом память невозможна.

Сердца бездушны как гранит.
Я столько раз мосты сжигала,
но верности высокий щит
ни перед кем не опускала.

Был свыше дан — от Бога ли? —
нам драгоценный свиток.
И если жизнь убогая,
и горек наш напиток,

с кого потери взыщутся,
коль не было удачи?
Туманами насыщенный
умчится день незрячий.

Душа, подобье Божие
в хождении по мукам,
земная и тревожная —
страшна ль тебе разлука?

Как неизведанность влечет
и необычным обольщает,
и неожиданный полет
безбрежность мира открывает!

Как приобщиться красоте
вселенской в тишине я жажду:
сиянью солнца, теплоте,
и глади голубой и влажной...

Никто не избегнет суда
(земная, неверная слава),
но каждого встретит судьба,
и смерть не меняет устава.

А жизни неведомый сплав?
А тайная воля к победе?
Уйдешь, ничего не узнав,
уйдешь... неужели бесследно?

Беглый луч залетает в окно,
вновь весна, и цветение мая.
Мне свершить ничего не дано,
не напрасно ли дни коротаю?

Ведь не я зажигала костер
на поляне ночной и росистой.
И не я рисовала узор,
озаренная светом лучистым.

Все былое изжито давно,
лишь кресты на могилах считаю.
Мне свершить ничего не дано,
только песнями жизнь коротаю.

Пою, и песне этой рада.
Пою, мне лучшего не надо.
Вот только бы вода светлела,
струясь в беспечности ленивой,
вот только бы заря алела,
к заутрене зовя счастливых.

Я берегла бы эту радость,
не радость даже, а затишье,
и даже солнца мне не надо,
чтоб круг мой озарить с излишком,
и даже серый день туманный
мне мил дыханием покоя.
О берег бьется неустанно
волна душевного прибоя.

Как быстро тает радость
и гаснет упованье.
Так падает устало,
на гребне разбиваясь
высокая волна.

Но видно, так и надо:
то ритм природы вечной —
восторг нежданной встречи,
на миг виденье рая...
А смерть для всех одна.

Розовеют небеса,
пламенем объяты.
И над Римом полоса
алого заката.

И струится нежный свет
на просторе зыбком,
точно городу привет
ангел шлет с улыбкой.

Где развеян пепел поколений,
и как пыль — величие в веках,
оживает прошлого виденье —
древний город на семи холмах.

Рим, прообраз власти преходящей,
умирая знал, что смерти нет.
Прошлое сливая с настоящим,
он доныне излучает свет.

Дорогу страсти и страданья
пройти нам суждено.
Но в Риме — с вечностью свиданье
как тайное звено.

И светлого заката нежны
неуловимые тона.
Смиреннее мой дух мятежный,
и с глаз упала пелена.

И здесь, в моем уединеньи,
мне весело мечтать
о Риме, где смешалась с тенью
живая благодать.

Какие сумрачные дни!
Несутся тени мимо, мимо.
И вновь Италии огни
влекут к себе неодолимо.

В привычном тесно мне кругу.
Душа как пленница в неволе.
И убежать я не могу
от памяти, от горькой доли.

О Эвридика, ты в аду!
Нет выхода и нет спасенья.
И звезды падают в саду...
О звезд беззвучное паденье!

Сказки дно морское —
крабы и русалки.
И лицо сухое
сгорбленной гадалки.

Золотая рыбка
вьется у порога,
и в тумане зыбком
древняя дорога.

Все во сне приснилось —
вымысел, признанье...
Прошлое явилось
в радужном сияньи.

Болото всасывало нас.
На дно во мраке погружаясь,
молилась я в последний час,
в предельном ужасе взывая:

«Здесь смерть, здесь мрак небытия,
о Господи, пошли спасенье!»
И вздрогнув, вдруг проснулась я.
Какое страшное виденье!

Кто так душил меня во сне?
И до сих пор я не забыла,
как медленно ползла ко мне
болотная глухая сила.

На солнце исчезает тень,
и ветер резво гонит тучи.
И после бури ясный день
встает без жалобы докучной.

И не туманится заря.
Не спрашивай чему навстречу
иду, волнуясь и горя,
и чем я новый день отмечу.

Порвалась тонкая струна.
Во тьме опять скребутся мыши.
Так сходит человек с ума
и в безнадежности не дышит.

Очнешься — как внезапен свет!
Был сон удушливо кошмарен.
Но поутру развеян бред,
и как ты Богу благодарен!

В миг затишья и покоя
хорошо мне быть с тобою,
странница-душа.

Час неведом смертной муки.
Час стремительной разлуки
примешь, чуть дыша.

На земле страдая молча,
ты в глаза глядела волчьи,
продолжая петь.

Если ж час придет последний,
что оставишь ты в наследье,
странница, ответь!

На темном небе хлопья туч
как пятна акварели.
Весенний ручеек певуч,
мурлычет еле-еле.

Вдаль уплывают корабли
за дымкой голубою.
Все звуки неба и земли
как будто здесь, со мною.

Певунья-пташка будет петь.
что есть весна и лето.
Напрасно прошлое жалеть.
от жизни ждать ответа!

Кладовая памяти обширна,
в ней хранятся свитки ранних лет.
Пожелтели, и на полках мирно
улеглись, их не тревожит свет.

Но порой выходят из забвенья
призраки давно истлевших дней,
и встают забытые виденья,
вспыхивая вновь в душе моей.

О, с какою грустью и тревогой
я слежу за ними не дыша:
только жалко было и убого
все, чем ты жила, моя душа.

Кто же смертным уготовил жребий,
чтоб блуждая падать на земле,
и взлетев из бездны, видеть небо,
Божий свет, мерцающий во мгле?

Да, надо думать до конца
и надо верить в испытанье.
Младенец просит леденца,
а мне — нелегкое заданье.

Но кто об этом думать мог
(учиться никогда не поздно)?
И потрясенье — лишь пролог.
Так грозы освежают воздух.

Шумит и хлещет грозный вал
в жестокой страсти разрушенья.
Но смертный ужас не сковал
твое пылающее зренье.

Спеши пока струится свет,
пока не гаснет луч закатный.
Пусть непонятен мир — поэт
в нем ищет силы благодатной.

Нет, не пора еще уснуть,
ведь не дописана картина.
Любила я высокий путь,
подъем на горные вершины.

И необъятный кругозор,
и даль, плывущую в безбрежность,
с судьбою неотложный спор,
полей задумчивую нежность.

Так, смерти неизбежный час
в стремленьи жизни забывая,
мы это чудо каждый раз
по-новому благословляем.

Нас не много осталось,
древний пламень храним.
Мы любовь отстояли
и в огне не сгорим.

Все земное тревожно.
Злом отмечен наш путь.
Но любовь к тебе, Боже,
не остыла ничуть.

Всюду рост и цветенье.
Это мудрость Твоя.
И закон возрожденья
есть закон бытия.

Если можешь снова встретить
утро ясною улыбкой,
если можешь день отметить
радостью нежданной, зыбкой...

Кажется, не хватит силы,
кажется, не хватит воли...

Но подстреленная птица,
залечив земные раны,
в высь небесную умчится
из гнетущего обмана.

После недавней разлуки —
первая встреча с собой.
Легкие тянутся руки
к небу за дальней звездой.

Строго, уверенно, смело
новый наметила путь.
Что на корню не созрело —
в странствии новом забудь.

Если лучом не согрета —
нива суха и мертва.
В чаяньи дальнего света
вещие слышу слова.

Вот ложится слово гладко
как костяшка домино.
Вот волнует как загадка
мысли тайное звено.

Вот как полновесный камень
грузно падает на дно,
или жжет как жаркий пламень.
Но не все ли мне равно?

Выражаю тайный трепет
зыбких и неверных слов,
бредовой, безумный лепет
образов, видений, снов.

Ускользает незаметно
каждый отшумевший день.
Счастье затаилось где-то,
а в садах цветет сирень.

Так бы жить себе на радость
и соседу не во вред.
Правды луч — моя отрада,
высоты небесной след.

За строкой строка ложится,
рифмой скрашивая труд,
за страницею страница —
мысли трепетной сосуд.

В этом мире все возможно,
этой жизни не забудь.
Красота ее тревожной
болью обжигает грудь.

И выходит из затменья —
так прерывисто дыша! —
изумленная виденьем
и воскресшая душа.

Опустилось за горою
солнце в пламени закатном.
Вновь я говорю с собою
об ушедшем невозвратно.

Были странствия и муки
оттого что сердце живо,
оттого что сердцем звуки
слышу совести строптивой.

Одиночество желанно.
Тихо сумерки спустились.
Ясно, чисто, без обмана
что-то в жизни завершилось.

Дни бегут, и не заметишь,
в бездну падают они.
Я спрошу, и ты ответишь.
В холоде зажглись огни.

Медленно приходит лето.
Зябко в воздухе сыром.
Но в тебе источник света,
дышишь брызжущим огнем.

Мне неведом путь небесный,
проходила путь земной.
Больно в оболочке тесной.
Как войду я в мир иной?

Нерукотворная картина
как Божья благодать дана.
Цветущая легла равнина,
грядою гор окаймлена.

В сияньи высота безбрежна,
и четки очертанья гор.
Здесь тишина и безмятежность,
величья вековой узор.

И забывая обреченность,
очарованием дыша,
здесь в красоте неизреченной
творенью молится душа.

Нет, не забыть мне эти дни
в высоком солнечном сияньи.
Мне в сердце врезались они
своим земным очарованьем.

Туман клубится на реке,
но в блеске гордые вершины.
И убегая, вдалеке
змеится узкая долина.

Неомраченность. Тишина.
И тень, и света переливы.
Сонливо плещется волна
и падает неторопливо.

Серп луны, застывший в небесах,
солнце тихо гаснет за горою.
Чайки то взлетают над водою,
то стоят как будто на часах.

Подкатившись к берегу, волна
пеной разбивается лениво.
И вокруг такая тишина,
что и мысли нет во мне строптивой.

А безбрежная струится гладь,
и светлеет небо предзакатно.
Ни о чем не думать, не гадать...
О язык природы, мне понятный!

Все уносится теченьем
словно пена на волне.
Верность только в сновиденьи.
Что незыблемо во мне?

Что правдиво и нетленно,
и на что ушли года?
Неужели все мгновенно,
все исчезнет без следа?

Он жил, дышал, любил и верил.
И вот ушел — и прах остыл.
Иль в новый мир открыл он двери
и все земное позабыл?

Но что же делать нам, живущим,
когда приходит эта весть
и говорит о дне грядущем,
о том, что неизбежность есть,

что мы — пылинки в мирозданьи,
и в ожидании конца
земное воздвигаем зданье,
не зная замысла Творца!

Земное обольщение влечет
и сердце жгучим зноем опаляет.
Неутолимое, оно зовет,
миражем вновь в пустыню завлекает.

И снова непреклонность. Высота.
Стремление к невидимому Богу.
И в испытаньи — чистые уста,
и в чаяньи — открытая дорога.

Закон есть в мире: неизбежность,
но и свободы есть закон.
Меня крылом коснулась нежность,
и давний воплотился сон.

И разве многого мне надо? —
знать, что ты в мире не одна,
что есть любовь, что есть отрада,
что возвращается весна.

И в длинной цепи повторений
найти неповторимый миг,
что дал душе освобожденье,
плотину мужества воздвиг.

СОДЕРЖАНИЕ

ОКОНЧЕНА ПЕЧАТАНИЕМ
15 ДЕКАБРЯ 1955 ГОДА

Imprimerie **Beresniak, 6, rue de la Pierre-Levée.** Paris 11e.